

В ТВОРЧЕСКОМ ПОИСКЕ

ЗАМЕТКИ О СПЕКТАКЛЯХ МОСКОВСКОГО ТЕАТРА ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

ПЕШЕ десяти лет Московский театр имени Ленинского комсомола не был в Киеве. Для коллектива это были чуждые годы. Шли постановки удачные, мало удачные и вовсе неудачные, а больше — благополучные, лишённые неповторимых черт того, что делает спектакль событием для зрителей.

Не без тревоги ожидали мы раскрытия занавеса. Впрочем, слова эти — дань традиции. Здесь занавес не раскрывался. Его нет. Стремится сразу установить контакт со зрителем, иногда еще до того, как прозвучат первые реплики.

Театр пришел по душе киевлянам. Не будем, однако, украшать эти заметки комплиментами. Лучшие поразмыслили о своеобразном искусстве гостей. Почему, в самом деле, даже спектакль, не дающий полного удовлетворения, не оставляет зрителей равнодушными? Стоит прислушаться к ожиданиям толпам после спектаклей театра, который ставит пьесы преимущественно о молодежи и для молодежи. Говорят не столько о спектакле, сколько о том, над чем он призывает задуматься: о любви и дружбе, о месте в жизни, о верности призыву. Лучшие из работ театра заставляют пристально всмотреться в жизнь, глубже познать характеры, души, стремления молодых наших современников.

Одна из таких пьес — «Мой бедный Марат» А. Арбузова. Ее немало критиковали, но вот одна претензия — пропущенная театром. Производило впечатление, что лица, три вора, направленные прямо на зрителя с большого павильона — фоны спектакля. Слово это трое — Лика, Марат и Леонидик — шутят у вас ответа на неотвечающий вопрос: как надо поступать, чтобы остаться верным дружбе, слову, данному самому себе в суровые дни блокады Ленинграда, жить осмысленно, открыто, целеустремленно?

В этом трио с одинаковой силой и выразительностью должны звучать

все голоса. Но в последней картине зритель не слышит голоса Лики в исполнении А. Струновой. Трио неожиданно и неадекватно превращается даже не в дуэт, а скорее в соло Леонидики, хорошо сыгранного Л. Крутицкого, но оказавшегося в финале лишённым поддержки. Финал получился приглушённым, драматическая острота приглушённой, хотя А. Збруев — Марат остается и в последней картине таким же обязательным, требовательным, каким мы узнали его в предыдущих картинах. И все же, несмотря на существующие недостатки, «Мой бедный Марат» тревожит мысль. Театр расширяет рамки условно камерной пьесы, действие которой замкнуто в четырех стенах.

«В день свадьбы» В. Розова — пьеса расклевывалась, некая в ремесленном толковании некоторых театров (говоримось, что в Киевском театре имени Леси Украинки она нашла истинное воплощение). У москвичей «В день свадьбы» звучит как большая человеческая драма. Чувство все нарастающей тревоги разрешено в драматическом финале, нежизненным в некоторых других постановках и вполне закономерным — в этом. Режиссер А. Эфрос дал почувствовать, что кроется за бытовым простоям в последние на берегу великой русской реки. Актеры В. Соловьев и А. Дмитриева сделали Илью Соловьева и его дочь Ниру главными персонажами пьесы и спектакля. Словом В. Соловьев покоряет сердце зрителя, мудрой душевностью, расположением к людям. Мы хорошо узнаем этого человека с его деятельной добротой, которую унаследовала и Нюра. В спектакле они по-настоящему близки друг другу —

отец и дочь. И понятно, почему неудовольствие для многих решение Нюры освободить Михаила, полюбящего другую, от брачных уз, поддержано именно им, стариком Соловьевым. А. Дмитриева заставит в конце концов залюбоваться Нюрой — внешне не очень привлекательной, но славной, отчаянной до добра, душевно умной девушкой. Оба актера раскрываются в людях, которых обычно называют простыми, обыкновенными, рядовыми, золотые россыпи характеров — благородных, чистых, мужественных, требовательных к себе и к другим.

«До свидания, мальчики!» В. Балтера и В. Токарева (режиссер С. Штейн) сохраняют шемучую душу светлого грусти, разлитую в оловянной повести. На сцене воссоздана беспокойная атмосфера предвоенных лет, неотделимая от переживаниями юностей и девушек, вступающих после окончания школы в большой мир. Ведь вместе с авторами мы наперед знаем, что над Родиной, над будущим этого поколения нависла страшная опасность и что для многих мальчиков, преждевременных ставших взрослыми, уже поздно. Разумеется, это актеры «по юным» в том, что театру многое, хоть и далеко не все, удалось перенести из повести на сцену.

Да, есть в постановке чуть намекаемые драматургами образы и качества скоротечного произведения — актерская роль Сергея или секретаря райкома в Надежде Александровны — мать Белова, омаритарные рисунки Жестящика и его курортной подружки, азербайджанский гитарист-стронер! Но эти эпизодические лица приходят и уходят, не оставив следа. А вот сами-то «мальчики»,

призванные комсомолом выполнить свой долг перед Родиной, останутся с нами надолго. Они обязательны и предельно искренни, не похожие друг на друга — немногословный Виктор Анякин (его играет А. Покровский), остроумный и чуткий Сашка Крюгер — душа содружества (Л. Харитонов здесь понял, что беззаботность ранее других позорившего юности — позорная натура) и чудесный Володя Белов — А. Збруев, чья душевная чистота раскрывается в первой любви.

В стычке же юностей с Попандицким (Л. Каневский) впервые обнаруживается непримиримость и твердость, решимость характеров, пусть в конечном и нелепым проявлении. Но можно угадать, что в иных условиях, когда жизнь поставит юностей перед трудными испытаниями, они его выдержат. Большие Женя и Катя запомнятся Инга О. Юковлева. Нелюбов не упоминать о миниатюрной роли парикмахера, которую игра А. Воясы превратила в сценический шедевр.

Здесь, забегая вперед, упомянем об одной счастливой особенности коллектива. Мы познакомились с такими интересными молодыми актерами и представительницами «среднего поколения», как О. Юковлева, А. Дмитриева, А. Ширвиндт, Л. Крутицкий, А. Збруев. Но в артистическом ансамбле немалую роль играют те мастера, чья имена давно и хорошо известны в стране. С таким званием молодости актер В. Соловьев, А. Воясы, А. Пелевин, С. Гиацинтова, что невольно хочется сказать, забыв название одной из пьес: «Да, вам 22, старик!»

Кто же забудет монгол Надеждин Леонидович из последней рабо-

ты театра «Снимается кино...» Э. Ралинского (режиссер А. Эфрос). С. Гиацинтова вложила в него душу большой актрисы и потреляла зал, хотя на первый взгляд этот монгол может показаться оторванным от сюжета. Но только на первый взгляд. Спектакль «Снимается кино...» вызвал много споров. Порождения или избыточность сценической формы (на наш взгляд, яркой и выразительной), и многогранностью, в некоторой ложной многозначностью. С некоторыми нареканиями можно согласиться. Речь идет о тех сюжетных линиях и характерах, где театр следом за автором как бы раскрывает еще одну, 105-ую страницу про любовь, повторяя мотивы предыдущих пьес. Это же автора. Но я не склонен считать «новое произведение» вариантом «104-й страницы», а тему скороспелого романа известного кинорежиссера с участием массовки — ведущей в пьесе. Не по душе мне минимал философия, к которой тянет Э. Ралинского и в этой пьесе, его сомнительные рассуждения о том, что жизнь — это торная пыль, состоящая из подьяемых и спусков.

Однако есть в новой пьесе и хорошее знание того, что живет автор. В суматошной, бестолковой обстановке киностудии, на фоне которой разворачивается событие, постепенно определяется главное, что вызывает интерес и придает значительность спектаклю. То, о чем говорит, обращаясь к зрителю, старая актриса и что является предельным размышлением автора в его терпении — мысль о верности нравственно, бескомпромиссности и честности в искусстве и жизни. В этом смысле выразительны не только фигуры киноре-

жиссера Нечаева с его мужиками, поисками и сомнениями. Вместе с ним зритель будет переживать не столько его любовные неудачи, сколько стремление остаться верным самому себе, не сойти с прямого пути на торную и удобную дорожку, чтобы «протоптанной и легкой». Поэтому интересны не только фигуры киношника от искусства или конъюнктурной «критики» (Л. Крутицкий и Л. Пономарев), но и — особенно — образ Кирилла Владимировича (А. Пелевин).

Уходя со спектакля, зритель не узнает, чем закончились внутренние борения Федора Нечаева. Но зрело, заброшенное в его душу, без сомнения, побудит к размышлениям о жизненных путях и идеалах.

В последние время коллектив обратился к пьесам, лежащим от его магистральной темы. На фоне — чеховская «Чайка» и пьеса Б. Вректа. Артисты ретивитую пьесу «три остроты» Чехова и «Молодой» Бугакова. Театр ищет и находит новые средства и приемы актерской игры, сценического воплощения.

Нельзя, впрочем, не выразить беспокойства по поводу некоторого однообразия в выборе пьес, преобладающих в действующем репертуаре. Их содержание ограничено не только сферой в тематике, но и эстетическим выстраиванием. Волею-неволею это сказывается и на манере актерской игры. Появляются артисты, переживающие и повторяющие, в частности в такой способной актрисе, как О. Юковлева, и у других.

Мы искренне желаем Московскому театру имени Ленинского комсомола успехов и явлений, новых художественных свершений, что особенно важно в преддверии 50-летия Октября, когда так много ждут от драматургов и театрал наших зрителей. Очень хочется бы увидеть на сцене спектакли, в которые воровалась бы большая жизнь и во всей духовной красоте раскрывалась личность нашего современника.

Яков ГАН.